

三國演義

«Троецарствие» и его автор

Когда в 1820 году в Китай вместе с Российской духовной миссией поехал чиновник Азиатского департамента Е.Ф. Тимковский, ему было поручено закупить там книги для русских библиотек. Среди прочих книг за немалую для того времени сумму был приобретен и ксилограф под названием «История Трех царств», про который в «Реестре китайским и маньчжурским книгам, купленным в Пекине в 1821 г.» было сказано: «Происшествия в течение 76 лет описаны живыми красками, со многими вымыслами, свойственными более героической поэме, нежели истории». Эта краткая запись, видимо, первое упоминание о «Троецарствии» Ло Гуаньчжуна на русском языке.

О Ло Гуаньчжуне, имя которого стоит на всех изданиях «Троецарствия», известно до обидного мало. Пятьдесят лет назад основоположник современной китайской литературы и блестящий исследователь ее классической традиции Лу Синь разыскал некоторые сведения о писателе и определил примерные даты его жизни — 1330–1400 годы. Исходя из комментариев Ло Гуаньчжуна к упоминаемым в «Троецарствии» географическим названиям, некоторые современные исследователи предполагают, что дату рождения писателя следует передвинуть лет на тридцать вперед и что, следовательно, он родился около 1360 года и умер, видимо, в 70-х годах XIV века. По некоторым источникам, он родился (или жил) в Цяньгане, подле знаменитого своими красотами города Ханчжоу, где с XII века были сосредоточены многочисленные зрелищные и увеселительные заведения. Под огромными навесами у Овощного рынка, перед Конным двором, подле Крепости, где стояли солдаты, и еще в двух десятках других мест выступали народные рассказчики. Среди них были и такие, которые повествовали о героях Трех царств. Мы знаем об этом из свидетельств очевидцев. Так, сунский автор Гао Чэн писал: «Во времена императора Жэнь-цзуна (1023–1063) на базарах встречались люди, рассказывавшие о событиях Троецарствия. Мастера-кукольники делали фигурки для теневого театра и изображали войну между Тремя царствами». Знаменитый поэт и эссеист XI века Су Дунпо оставил нам запись, свидетельствующую о том, на чьей стороне были симпатии тогдашних слушателей: «Когда дети с городских окраин шалили и надоедали домашним, те давали им деньги и посылали слушать рассказы про старину. Слушая повест-

вованая о борьбе Трех царств, дети хмурились и плакали, когда Лю Бэй терпел поражение, и громко выражали свою радость, когда разбитым оказывался Цао Цао». Так было в XI веке. Известно, что в следующее столетие существовал даже особый вид исторического сказа о борьбе Трех царств и что лучшим среди исполнителей этих историй слыл сказитель Хо Сыцзю.

XIII и XIV века — время расцвета китайской драмы, когда было создано более шестисот пьес, из которых не менее пятидесяти было посвящено героям Трех царств. Нет сомнения, что Ло Гуаньчжун видел многие из них. Он и сам создал три пьесы, из которых до нас дошла лишь одна — «Встреча ветра и облаков», повествующая об основателе Сунской династии Чжао Куаньине. Имя Ло Гуаньчжуна стоит на титуле не только «Троецарствия», но и фантастического романа «Развеянные чары»*, и «Повествования об истории падения династии Тан и Пяти династиях», «Повествования о династиях Суй и Тан» и других, в том числе и некоторых старинных изданий «Речных заводей». Был ли Ло Гуаньчжун автором всех этих произведений или их приписывали ему благодаря его славе — сказать трудно. Может быть, он и написал некоторые из них, но они потом столько раз перерабатывались, что с уверенностью говорить сейчас о его авторстве нельзя.

Ло Гуаньчжун прославился своим главным произведением — «Троецарствием», популярность которого в Китае, да и в других странах Дальнего Востока необычайно велика. Произведение это часто называют историческим романом, что, строго говоря, не совсем верно. Это еще не роман в привычном для нас понимании, а предшествующая роману книжная эпопея исторического характера. Для «Троецарствия» характерны широкий масштаб изображения событий, сделанный с использованием исторических хроник, выдвижение на первый план исторических, а не личных судеб, наличие элементов хроникальности в развитии сюжета, отсутствие психологизма в изображении героев, которые являются не индивидуальными характерами, а обобщенными типами.

В Европе, где были столь популярны далекие от реальной истории рыцарские романы, особенно о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, развитие исторического повествования началось сравнительно поздно и пошло в основном по пути создания произведений типа романов Вальтера Скотта — в них подлинные исторические события обычно служат лишь фоном, на котором действуют большей частью вымышленные герои, чьи судьбы и стоят в центре повествования.

* Ло Гуаньчжун, Фэн Мэнлун. Развеянные чары. М.: Художественная литература, 1983.

В Китае же литературное развитие шло иным путем — от крупномасштабной эпопеи к романам, описывающим судьбы отдельных героев прошлого. Так случилось, видимо, потому, что формирование исторического повествования происходило в Китае лет на пятьсот раньше, чем в Европе, когда частные судьбы людей еще мало привлекали внимание писателей (они интересовали лишь рассказчиков коротких бытовых историй) и не могли быть поставлены в центр исторического повествования. Заметим, что в пору жизни Ло Гуаньчжуна в китайской литературе только-только начиналось движение от реального исторического героя к вымышленному, чему «мешал», хотя во многом и чисто внешний, историзм традиционного китайского мышления. Еще за много десятков столетий до Ло Гуаньчжуна китайцы превратили героев своих древнейших мифов в будто бы реально существовавших правителей и сановников, а уж про героев преданий более поздних эпох и говорить нечего — все они были «распределены» по соответствующим династиям, сменявшим друг друга на протяжении веков. Это историзованное представление о прошлом поддерживалось и богатейшей историографической традицией: как только начинала править новая династия, император тут же отдавал приказ собрать все, что осталось от предыдущей, и составить ее подробнейшую официальную историю. Так, вскоре после завершения в 265 году периода борьбы Трех царств — Вэй, Шу и У — и создания единой Цзиньской империи по императорскому повелению сановником Чэнь Шоу была создана официальная «История Трех царств».

Историзованным было и средневековое эпическое творчество. Мы знаем, что многие русские былины хотя и отражают борьбу с монголо-татарским нашествием, но делают это в самой общей форме — в них нет описаний реальных битв и других событий, что старофранцузская «Песнь о Роланде» тоже не является исторической песнью. У китайцев же, как и у некоторых других народов Дальнего Востока, не было героического эпоса типа русских былин, романских героических песен или поющих сказаний вроде киргизского «Манаса». Их заменили поздние исторические повествования, те самые сказания — о героях, основателях династии Хань, живших в конце III века до н.э., о героях борьбы Трех царств, о тех, кто вместе с Ли Шиминем боролся в начале VII века за основание знаменитой династии Тан, — которые рассказывали профессиональные сказители. Сказы эти складывались в целые эпические циклы, исполнение которых требовало месяца, а иногда и больше. Некоторые циклы были записаны. Конечно, не с голоса, как это делают нынешние фольклористы, а скорее по памяти, может быть, даже и для памяти, чтобы сказитель — а многие из них

были людьми грамотными — не забыл основную канву сюжета. Эти краткие изложения были изданы в начале XIV века, причем изданы с иллюстрациями, занимающими верхнюю треть каждой страницы. Так родились своеобразные китайские народные книги, дальняя родня европейских лубочных изданий. Книги эти издавались, скорее всего, для тогдашних горожан. Среди этих книг был и «Сказ по «Истории Трех царств», изданный в юго-восточной провинции Фуцзянь между 1321 и 1324 годами. Небольшая иллюстрированная книжечка — как бы прообраз будущей эпопеи Ло Гуаньчжуна. В последние годы китайские ученые высказали предположение, что и само «Троецарствие» написано Ло Гуаньчжуном к концу 20-х годов XIV века, то есть вскоре после издания народных книг.

Если о жизни создателя «Троецарствия» почти ничего не известно, то о его работе над эпопеей можно сейчас рассказать довольно подробно. Итак, читатель уже знает, что, когда Ло Гуаньчжун приступил к написанию своего «Троецарствия», он мог воспользоваться официальной династийной историей Чэнь Шоу, народными сказаниями о героях Трех царств и созданной во многом на их основе народной книгой, пьесами о тех же событиях, ставившимися, а частично и изданными в ту эпоху, а также теми многочисленными дополнениями к «Истории» Чэнь Шоу, которые были составлены в V веке сановником Пэй Сунчжи, и созданными уже в XI–XII веках сводными летописями, в которых была последовательно описана история Китая с древнейших времен до X столетия. Именно эти летописи и дали Ло Гуаньчжуну как бы путеводную нить, все основные события Троецарствия были представлены им, в отличие от Чэнь Шоу, во временной последовательности.

«Троецарствие» посвящено одному из наиболее бурных периодов в истории Китая. В конце II — начале III века н.э. феодальный Китай переживал много трудностей самого различного характера. Двадцать семь наводнений вынудили десятки тысяч крестьян покинуть свои дома. Стихийные бедствия случались почти каждые два года. Десятки раз поля опустошались полчищами саранчи. Историки сообщают, что в некоторых местностях от голода умирала почти половина населения. Пустующие земли прибирали к рукам крупные феодалы, а нередко и евнухи, игравшие в ту смутную пору заметную роль при дворе. Крупные землевладельцы все больше выходили из-под власти императоров династии Хань, правившей с 206 года до н.э. Империя Хань чуть было не пала под натиском восстания «краснобровых» в первые годы нашей эры, но один из дальних родственников императорского дома Лю — Лю Сю смог расправиться

с крестьянским движением и в 25 году н.э. провозгласил себя Гуань-ди — Блестящим и воинственным императором, а царство свое назвал Восточная Хань.

Постепенно и эта обновленная династия привела страну в состояние полного кризиса. Чиновники пренебрегали своими обязанностями, думая лишь о собственном обогащении, тем более что пример им в этом подавал сам император Лин-ди (правил с 168 по 189 г.), любимым развлечением которого было изображать из себя странствующего торговца. Огромной личной казной государя ведали евнухи, которые и сами были не прочь пустить деньги в оборот через купцов. Финансы страны все больше приходили в упадок. Источники того времени осторожно говорят то о каких-то «дешевых деньгах», то о «легковесных» монетах. Растущее недовольство двором и крупными феодалами в народных низах, частые нападения полчищ цянов (народности тибетского происхождения) на западе, сянбийцев (древней монгольской народности) — на севере расшатывали основы недавно еще могущественной Ханьской империи, расширившей в I — начале II веков свои границы путем завоевания и присоединения соседних, особенно западных земель вдоль знаменитого Шелкового пути. Усилились интриги могущественных евнухов, военачальников, сколачивавших различные группировки, враждовавшие одна с другой. В низах общества распространялись всевозможные тайные верования, среди которых наибольшее число сторонников приобрела секта «Тайпиндао» — «Пути великого спокойствия» во главе с Чжан Цзяо и его братьями. В религиозно-мистической форме проповеди Чжан Цзяо звучал фактически призыв к установлению всеобщего равенства. Вот почему за десять с небольшим лет проповеднической деятельности братья Чжан обратили в свою веру несколько сот тысяч человек и объединили их в военные отряды, объявив, что в первый год нового шестидесятилетнего цикла (по таким циклам велся счет годам в древнем и средневековом Китае) свергнут самого императора. Чжан Цзяо установил связь с двумя придворными евнухами, которые обещали в назначенный день устроить дворцовый переворот. Однако предатель выдал евнухов, они были казнены, несколько тысяч придворных и столичных чиновников, подозреваемых в заговоре, были схвачены. Тогда Чжан Цзяо тотчас же поднял восстание, получившее название «восстания Желтых повязок», поскольку его участники повязывали головы кусками желтой материи. Это было в 181 году н.э.

В течение десяти дней вся Поднебесная империя пришла в движение, большинство чиновников в провинциях, охваченных огнем восстания, бежало, двор был в панике. Но вскоре против повстанцев были брошены регулярные

войска и вооруженные отряды крупных землевладельцев, через десять месяцев восставшие были разбиты наголову, хотя отдельные разрозненные отряды в разных местах страны продолжали действовать еще много лет. Разгром Желтых повязок связывают с именами военачальников: Юань Шао — выходца из знатного служилого рода, Цао Цао — первоначального сподвижника и друга Юань Шу, приемного сына влиятельного евнуха, Сунь Цзяня — правителя земель в среднем и нижнем течении реки Янцзы, которые именовались землями У или Дун У — Восточное У. Под началом Цао Цао первое время воевал и Лю Бэй — дальний потомок основателя династии Восточная Хань, который тоже участвовал в подавлении восстания Желтых повязок. Но когда восстание было в основном подавлено, то есть общая цель достигнута, военачальники стали бороться друг с другом за власть в Поднебесной. Император, по сути дела, превратился в игрушку в руках соперничающих клик. После смерти государя Лин-ди, в 189 году, на престоле воцаряется его сын Шаоди, но через несколько месяцев его свергает могущественный царедворец, полководец Дун Чжо, и сажает на престол другого сына покойного государя, рожденного от наложницы. Проходит семь лет, и безвольный император Сянь-ди попадает в руки Цао Цао — человека решительного, который не разбирался в средствах для достижения цели и благодаря этому добился высшего положения. Он привлек на свою сторону многих талантливых людей, ибо ценил не происхождение или знание конфуцианского этикета и канонических книг, а умение управлять народом и командовать войсками. Это был типичный средневековый диктатор, захвативший власть, но формально правивший от имени номинального государя. Однако под властью Цао Цао находился не весь тогдашний Китай, а в основном центральная его часть. Земли по Янцзы прочно удерживали представители рода Сунь — сперва Сунь Цзянь, а потом его сын Сунь Цюань, который основал царство У, в 221 году принял титул вана — высший княжеский титул, а через восемь лет провозгласил себя императором. Юго-западные земли Китая оказались во власти Лю Бэя, основавшего на них царство Шу и принявшего в 221 году титул императора. Сам Цао Цао еще раньше, в 216 году, объявил себя ваном (до этого он был первым министром), а когда он в 220 году умер, его сын Цао Пэй низложил ханьского императора Сянь-ди и объявил себя первым императором новой династии Вэй. Борьба за власть шла между тремя царствами ровно шестьдесят лет, пока страна не была объединена вновь в 280 году под эгидой новой династии Цзинь. Бурное время с начала восстания Желтых повязок и до нового объединения страны и есть те

семьдесят шесть лет, в которые происходят все описываемые Ло Гуаньчжуну события.

Идеалы автора «Троецарствия» формировались в основном под влиянием конфуцианского учения об управлении государством и поведении человека в обществе. С древних пор, однако, конфуцианская доктрина существовала параллельно с даосизмом — учением о естественном Пути (Дао), согласно которому весь мир рассматривается как бесконечный поток естественного развития вещей. В первых веках нашей эры даосизм вобрал в себя и элементы древней магии и шаманизма, превратившись из учения натурфилософского в религиозно-мистическое со своими святыми и культами. Влияние даосизма испытали многие китайские писатели прошлого, в том числе и Ло Гуаньчжун.

Из конфуцианства Ло Гуаньчжун воспринял и главный принцип китайской историографии, которая со времен Конфуция видела свою цель в том, чтобы проповедовать конфуцианские добродетели, восхвалять законных правителей и порицать узурпаторов. Как писал Цянь Даци — автор первого предисловия к «Троецарствию», помеченного 1495 годом, цель исторического сочинения, которую перенял и Ло Гуаньчжун, не в бесстрастной регистрации событий в хронологическом порядке, а в попытке «осветить расцвет и упадок былых династий, отразить добродетель и злые помыслы правителей и подданных, зафиксировать успехи и промахи в государственном управлении, дать представление о счастливой и злосчастной судьбе людей... чтобы у потомков появилось желание склонять людей к добру и предостерегать их от зла». Эти же назидательные цели были и у автора «Троецарствия». Ло Гуаньчжун раскрывает перед читателем эпопеи свою концепцию исторического развития, свои представления об идеальном правителе, о нормах человеческих отношений.

Показывая распад Ханьской империи и борьбу Трех царств, Ло Гуаньчжун исходит из традиционного представления об истории как о непрерывном движении от объединения к раздробленности и затем снова к объединению и порядку. История движется как бы по замкнутому кругу, она подобна природе, в которой происходит постоянный процесс смены расцвета и увядания, смерти и нового рождения. Достигнув апогея в своем развитии, каждое явление переходит в свою противоположность: высшая радость, как и высший расцвет, сменяется грустью и горем, но на смену самому отчаянному горю вновь приходит радость. Эту мысль о циклическом развитии общества Ло Гуаньчжун заимствовал у древнекитайских историографов, которые развивали ее в соответствии с даосскими идеями о тождественности развития природы

и общества. Откройте первую страницу эпопеи, и вы прочтаете слова о том, что, когда великие силы Поднебесной долго разобщены, они стремятся к соединению, но после длительного соединения вновь распадаются. И хотя слова эти принадлежат не самому Ло Гуаньчжуну, а добавлены в XVII веке редактором и комментатором эпопеи Мао Цзунганом, они очень точно выражают позицию автора — эта мысль в «Троецарствии» высказывается неоднократно. Однако согласно конфуцианским представлениям, воспринятым Ло Гуаньчжуном, все события этого земного мира — падение и возвышение династий, войны, победы и поражения, смерть и рождение великого человека — есть лишь проявление воли Неба, Неба как некой абстрактной, не воплощенной в образе божества силы, веления которой, проявляясь в небесных знамениях или доведенные до сведения людей через особые спущенные сверху «небесные книги», требуют интерпретации мудреца. Так, доказательством того, что время Ханьской династии миновало, в эпопее служат многочисленные дурные предзнаменования: куры запели петухами, черная туча влетела во дворец, появилась огромная змея и проч. Небо в «Троецарствии» присутствует непрестанно, его веления играют роль рока, судьбы в жизни героев. Веления Неба — это, конечно, не только дурные предзнаменования, но и чудесные избавления положительных героев от опасностей. Например, когда конь с воином, везшим малолетнего наследника Лю Бэя, рухнул в яму, вдруг вспыхнуло красное зарево, и конь одним прыжком выскочил наверх — тогдашний читатель воспринимал это тоже как веление Неба.

Конфуцианство хотя и признавало предначертанность всех событий Небом, но всегда исходило из жизни земной и реальных потребностей времени. Этот «прагматизм» также постоянно находит свое отражение в эпопее: герой должен соотносить свои поступки не только с небесными знамениями, но и с реальной ситуацией — таковы два основных фактора, определяющих положение героя книги. Но есть третий: воля героя. Сочетание этих факторов в эпопее рождает постоянные конфликты: или Небо, несмотря на активные стремления героя, не дает согласия на его действия и притязания (так получается с Цао Цао, который хотя и захватывает большую власть, но быстро гибнет в мучениях от болезни), или реальная ситуация противостоит воле героя и приводит к поражению на поле боя или в столкновении хитроумных стратагем.

Цао Цао талантлив, но он узурпирует власть, и Небо противится этому, а когда прогоняют законного ханьского императора Сянь-ди, воины и народ про-

вожают того с сожалением, а Небо гневается, поскольку нарушен его закон, и посылает страшный вихрь и ливень.

Основные герои «Троецарствия» люди известные. Подсчитано, что в эпопее действует более четырехсот персонажей — почти все они герои исторические, главным образом люди знатные, придворные, полководцы, военачальники и сановники. Основные черты положительных героев определены этическим комплексом конфуцианства — верность долгу, сыновняя почтительность. В «Троецарствии», например, есть такой знаменитый эпизод. Цао Цао, мечтающая ослабить Лю Бэя, отправляет его советнику Сюй Шу подложное письмо, якобы от матери, в котором говорится, что она брошена в темницу. Лю Бэй, для которого узы между сыном и матерью священны, отпускает Сюй Шу во вражеский стан. Матушка же Сюя, поняв, как ловко Цао Цао провел ее сына, видит в этом позор для себя и кончает жизнь самоубийством. Казалось бы, Сюй Шу после этого должен вновь вернуться к Лю Бэю и мстить Цао Цао, но долг сына — охранять могилу матери (для этого нередко даже строили подле могил специальные хижины), и он остается в стане врага, отказываясь, правда, помогать Цао Цао своими советами.

В число конфуцианских добродетелей входила и «сообразительность» («минь»), которая трактовалась как умение понять веление времени, придумать хитрый план, с помощью которого можно победить противника. Эти планы, как правило, в эпопее придумывают особые люди — советники, первые министры. Самый прославленный из них — знаменитый мудрец и стратег Чжугэ Лян. Собственно, все «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна и задумано как нескончаемая цепь хитроумных планов, которые один лагерь, одно царство применяет против другого, одна придворная группировка — против другой.

В самом начале «Троецарствия» перед читателем разворачивается знаменитый «план цепи». Суть его в следующем. Министр Ван Юнь придумывает хитрый план, как избавиться от военачальника Дун Чжо, готового вот-вот захватить престол. Он умело использует чары своей певицы и танцовщицы Дяочань, которая понравилась и Дун Чжо, и его приемному сыну, храброму воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать ее Люй Бу, а сам отдает Дун Чжо. Узнав об этом, Люй Бу обвиняет Ван Юня в коварстве и обмане, но тот объясняет, что Дун Чжо просто захотел взглянуть на красавицу, а потом увез ее к себе под предлогом, что хочет отдать ее своему сыну Люй Бу. Разгневанный Люй Бу является к Дун Чжо и убивает его. Хитроумный план, подобный цепной реакции (отсюда и его название), удался. Этот эпизод издавна счи-

тается в Китае одним из наиболее удачных, он по-настоящему новеллистичен, и на его примере мы и попытаемся показать творческую лабораторию Ло Гуаньчжуна. План цепи не придуман автором книжной эпопеи. Он уже был и в народной книге, о которой говорилось выше, и в анонимной драме XIII–XIV веков под названием «В зале Парчовых облаков тайно замышляется план цепи». Эпизод этот в эпопее состоит из четырнадцати мелких сюжетных ходов. Если сравнить их с соответствующими ходами в народной книге и драме, а также с изложением событий в династийной «Истории Трех царств» и «Зерцале всеобщем, в управлении помогающем», то окажется, что пять ходов целиком взяты Ло Гуаньчжуном из исторической литературы, три являются сочетанием ходов драмы и данных исторической прозы, один навеян текстом драмы, два — драмой или народной книгой одновременно и только три незначительных сюжетных отрывка придуманы самим Ло Гуаньчжуном, причем это, кроме первой встречи героев своеобразного «любовного треугольника», два увещевания приближенного Дун Чжо по имени Ли Жу (буквально: Ли Конфуцианец), с которыми он обращается к своему патрону, призывая его задобрить Люй Бу подарками и не доводить дело до ссоры. Заимствуя сюжетные ходы из предшествующей литературы, Ло Гуаньчжун, конечно, не делал этого механически. Так, и в народной книге, и в драме Дяочань (ее имя не встречается на страницах исторических сочинений, скорее всего, перед нами редкий у Ло Гуаньчжуна вымышленный, хотя и не им самим, персонаж) изображается женой Люй Бу, которая потеряла мужа во время смуты и оказалась у Ван Юня. В драме, например, она соглашается помочь министру избавиться от Дун Чжо потому, что он обещает после этого вернуть ее мужу. В эпопее же мотивировки поступка совсем иные: Дяочань — воспитанница Ван Юня, она готова помочь ему из чувства дочерней почтительности (столь пропагандируемого конфуцианством), ведь он относился к ней как к родной. Изменение, произведенное здесь Ло Гуаньчжуном, не случайно, он менял именно мотивировки действий.

Смело черпая материал из обеих традиций — народной литературы и исторической прозы, автор эпопеи относился к ним неодинаково: то, что Ло Гуаньчжун заимствовал из народной литературы, подвергалось гораздо большей обработке, чем то, что бралось из исторических сочинений. Дело в том, что народная книга, например, была пронизана буддийскими идеями, а Ло Гуаньчжун, как уже говорилось, отдавал предпочтение конфуцианству. Однако из живой повествовательной и драматической традиции он заимствовал как раз

наиболее важные для построения сюжета коллизии, а из исторических сочинений — большей частью эпизоды, создающие фон повествования. Оттуда же взяты и некоторые реплики исторических персонажей. Отталкиваясь от двух различных традиций, Ло Гуаньчжун создал абсолютно новое по своим качествам произведение. Новаторство его заключается, в первую очередь, в том, что из отдельных и часто не связанных между собой фактов он создал сюжетную ткань эпопеи. В историческом сочинении запись под одним годом объединяет самые различные события, там важно только, что они случились одновременно, но «Троецарствие» ставит все факты в единую цепь причинно-следственных связей, случаи из жизни героев становятся мотивированными ходами единого сюжета. Например, в исторической литературе говорится и о строительстве крепости Мэйу, которую воздвиг Дун Чжо, и о казнях сановников, которые он производил во время пиров, и о заговоре министра Ван Юня против Дун Чжо, но там между этими фактами нет никакой логической связи. А у Ло Гуаньчжуна все эти факты связаны в единую логическую цепь. Ван Юнь, увидевший на пиру, как по приказу Дун Чжо скинули с башни одного из сановников, а потом его голову принесли к столу на красном блюде (эти подробности сняты в сокращенном русском издании), возвращается домой и не находит себе покоя. Тут-то и возникает у него план убийства тирана. Разрозненные факты соединились в единую цепочку событий.

Создавая художественное полотно, Ло Гуаньчжун выдвигает на первое место любимых им героев, тех самых, которые уже были любимыми в народных сказаниях: это Лю Бэй, дальний потомок императорского дома, до того обедневший, что ему с матерью приходится жить скудным заработком от плетения сандалий и циновок, и его побратимы — бесстрашные богатыри Гуань Юй и Чжан Фэй, а также мудрый советник Чжугэ Лян. Все они герои исторические. Их жизнеописания есть и в «Истории Трех царств» Чэнь Шоу, но в создании образов этих героев Ло Гуаньчжун больше опирался на народную традицию эпического сказа и драмы. Именно оттуда заимствован эпизод братания Лю Вэя с Гуань Юем и Чжан Фэем. Мотив этот характерен для эпоса разных народов, братаются богатыри русских былин Илья Муромец и Добрыня Никитич, Илья и Алеша Попович, герои немецкого, французского эпоса и эпоса турецких народов. Братанию, однако, обычно предшествует поединок между будущими названными братьями. Ничего этого нет в «Троецарствии», герои случайно встречаются и решают совершить жертвоприношение и обряд братания. Но если мы обратимся к китайским народным легендам, то увидим, что